

© 2026. Буторин Г. Г.

Взаимосвязь индивидуализма / коллективизма

оригинальная статья

eLibrary EDN: SULUAT

Взаимосвязь индивидуализма / коллективизма и проявлений темной триады личностных черт в разных культурных контекстах

Буторин Геннадий Геннадьевич

Южно-Уральский государственный медицинский университет, Россия, Челябинск

eLibrary Author SPIN: 3043-1106

<https://orcid.org/0000-0002-9666-2206>

g1966@mail.ru

Аннотация: Цель статьи – проанализировать и синтезировать существующие эмпирические и теоретические данные о том, как культурный контекст, определяемый уровнем индивидуализма / коллективизма, модулирует фенотипические проявления, социальную приемлемость и корреляты черт темной триады. Применены методы систематического научного обзора, сравнительного и кросс-культурного анализа данных психологических исследований, опубликованных в рецензируемых отечественных и зарубежных изданиях за последние 25 лет. Установлено, что проявления черт темной триады не являются универсально деструктивными в равной степени. Высокий уровень индивидуализма в культуре коррелирует с большей толерантностью и даже поощрением адаптивных (субклинических) проявлений нарциссизма и макиавеллизма, воспринимаемых как социальная доминантность и компетентность. В коллективистских культурах те же черты чаще оцениваются негативно как нарушающие групповую гармонию. Психопатия, особенно ее аффективная составляющая, демонстрирует наиболее универсально негативные корреляты во всех культурных контекстах. Подтверждено, что социальная приемлемость и деструктивный потенциал черт темной триады в значительной мере опосредованы культурными нормами, что необходимо учитывать в диагностической и консультативной практике. Разработка культурно-чувствительных диагностических инструментов и интервенций представляется перспективным направлением дальнейших исследований.

Ключевые слова: темная триада, макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, индивидуализм, коллективизм, кросс-культурная психология

Цитирование: Буторин Г. Г. Взаимосвязь индивидуализма / коллективизма и проявлений темной триады личностных черт в разных культурных контекстах. *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 2. С. 303–311. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-303-311>

Поступила в редакцию 16.10.2025. Принята после рецензирования 16.01.2026. Принята в печать 19.01.2026.

original article

Individualism / Collectivism vs. Dark Triad in Different Cultural Contexts

Gennady G. Butorin

South Ural State Medical University, Russia, Chelyabinsk

eLibrary Author SPIN: 3043-1106

<https://orcid.org/0000-0002-9666-2206>

g1966@mail.ru

Abstract: Cultural context, determined by individualism or collectivism, modulates the phenotypic manifestations, social acceptability, and expression of Dark Triad traits. This systematic review provides a comparative and cross-cultural analysis of 25 years of peer-reviewed international and regional psychological studies. Dark Triad manifestations differ in destructive effects and degrees of severity. For instance, a culture of individualism

correlates with greater tolerance and even encouragement of adaptive (subclinical) manifestations of narcissism and Machiavellianism, which are perceived as social dominance and competence. In collectivistic cultures, the same traits are more often assessed negatively as violating group harmony. Psychopathy, especially its affective component, demonstrates the most universally negative correlates in all cultural contexts. Thus, the social acceptability and destructive potential of Dark Triad traits are largely mediated by cultural norms, which must be taken into account in diagnostic and consultative practice. The development of culture-sensitive diagnostic tools and interventions seems to be a promising area of further research.

Keywords: dark triad, Machiavellianism, narcissism, psychopathy, individualism, collectivism, cross-cultural psychology

Citation: Butorin G. G. Individualism / Collectivism vs. Dark Triad in Different Cultural Contexts. *SibScript*, 2026, 28(2): 303–311. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-2-303-311>

Received 16 Oct 2025. Accepted after peer review 16 Jan 2026. Accepted for publication 19 Jan 2026.

Введение

Конструкт темной триады, объединяющий такие личностные черты, как макиавеллизм (стратегическая манипулятивность и цинизм), нарциссизм (грандиозное самоуважение, чувство права и потребность в восхищении) и психопатия (аффективная поверхностность, импульсивность и бессердечие), прочно вошел в понятийный аппарат современной социальной и клинической психологии личности [Jones, Figueredo 2013; Paulhus, Williams 2002]. Изначально изучавшиеся преимущественно в западных, индивидуалистических культурах эти черты часто рассматривались как универсально дезадаптивные и социально-деструктивные. Однако расширение географии психологических исследований поставило под сомнение абсолютность данного утверждения [Знаков 2002; Иванова 2020].

Возникает проблема: являются ли макиавеллизм, нарциссизм и психопатия универсальными деструктивными конструктами, или их проявление, социальная оценка и, как следствие, приемлемость опосредованы нормативными культурными системами? Одним из ключевых параметров для кросс-культурного анализа выступает измерение индивидуализма / коллективизма, предложенное Г. Хофстеде и разработанное в работах Г. Триандиса [Hofstede 2001; Triandis 1995]. Индивидуалистические культуры (США, страны Западной Европы, Австралия) акцентируют независимость, личные достижения и право на самореализацию. Коллективистские культуры (страны Восточной Азии, Латинской Америки, Россия) ценят взаимозависимость, групповую гармонию и соблюдение социальных норм [Гуриева, Синельникова 2020; Лебедева, Татарко 2007].

Цель статьи – проанализировать и синтезировать существующие эмпирические и теоретические

данные о том, как культурный контекст, определяемый уровнем индивидуализма / коллективизма, модулирует фенотипические проявления, социальную приемлемость и корреляты черт темной триады. Применены методы систематического научного обзора, сравнительного и кросс-культурного анализа данных психологических исследований, опубликованных в рецензируемых отечественных и зарубежных изданиях за последние 25 лет.

Результаты

Методологический вызов:

проблема эквивалентности измерений

Проблема эквивалентности измерений представляет собой центральную проблему, стоящую перед кросс-культурными исследованиями. Возникает вопрос, действительно ли популярные опросники, например, Short Dark Triad (SD3) или DirtyDozen, разработанные в западных (чаще всего англоязычных) культурах, измеряют те же самые психологические конструкты в других культурных средах [Garcia et al. 2017]. Так, в азиатском контексте эмпирические исследования показывают, что факторная структура опросника SD3 (то, как вопросы группируются в шкалы макиавеллизма, нарциссизма и психопатии) не полностью воспроизводится в некоторых азиатских выборках. Это означает, что представители этой культуры могут по-другому интерпретировать вопросы, а сами черты могут проявляться иначе или быть не столь четко дифференцированными [Zhang et al. 2022].

В России эта проблема также актуальна. Ученые не просто переводят опросники, а проводят сложную работу по их валидации и адаптации. Такой процесс подразумевает обязательную проверку смысловой

эквивалентности каждого пункта и анализ того, насколько шкалы остаются надежными и валидными для российской выборки. Кроме того, надо учитывать национальную специфику в понимании и проявлении деструктивных черт (например, иное отношение к напористости, хитрости или самовосхвалению) [Егорова и др. 2015; Корнилова и др. 2015]. Таким образом, без доказанной эквивалентности измерений прямое сравнение баллов по опросникам между культурами может быть некорректным и вводить в заблуждение.

Ключевой теоретической рамкой для анализа служит так называемая *теория культурного соответствия* [Fulmer et al. 2010]. Согласно данной теории, влияние личностной черты на жизнь человека зависит от того, насколько она соответствует ценностям и нормам его культуры. Черта, которая поощряется и считается приемлемой в одном обществе, может осуждаться и наказываться в другом. Так, черты темной триады (манипулятивность, самовлюбленность, бесстрашие, напористость) часто ассоциируются с достижением личного превосходства, доминированием над другими, самопродвижением и уверенностью в себе. В индивидуалистических культурах (США, Западная Европа), где ценятся личные достижения, конкуренция и самореализация, эти черты могут иметь менее негативные (а в некоторых контекстах, например в бизнесе, даже позитивные) последствия. Они могут восприниматься как «деловая хватка» или «лидерские качества». В коллективистских культурах (многие страны Азии), где главными ценностями являются гармония, сплоченность группы и скромность, проявление черт темной триады будет встречать резкое осуждение и приводить к более негативным социальным последствиям для индивида (изгнание из группы, потеря лица).

Таким образом, можно предположить, что черты темной триады, ассоциирующиеся с доминированием, настойчивостью и самопродвижением, могут иметь менее негативные (или даже в определенных аспектах позитивные) последствия в индивидуалистических контекстах, нежели в коллективистских.

Отечественные работы подтверждают, что в российском обществе, которое характеризуется как промежуточное на оси индивидуализма – коллективизма, проявления макиавеллизма и нарциссизма могут иметь амбивалентные трактовки [Знаков 2002; Лигеза, Хмелевская 2023].

Безусловно, изучение темной триады в кросс-культурной перспективе требует не простого

сравнения цифр, а глубокого понимания культурного контекста. В таких исследованиях необходимо учитывать методические нюансы (эквивалентность опросников), теоретические рамки (объясняющие, почему последствия черт разнятся), а также уникальность каждой культуры (как, например, в случае России с ее смешанным социокультурным профилем).

Проблема эквивалентности измерений ставит под сомнение саму возможность прямых кросс-культурных сравнений баллов. Существует вероятность, что изучению подлежит не один феномен в разных культурах, а разные культурные феномены, которые лишь условно объединены одним термином (*макиавеллизм*). Однако в таком случае требуется не адаптация опросников, а разработка так называемых эмических (культурно-специфичных) моделей с последующим сравнительным анализом.

Культурная опосредованность макиавеллизма

Основная идея заключается в том, что макиавеллизм не является универсальным феноменом с одинаковыми проявлениями и последствиями. Его восприятие обществом, практическая эффективность и социальные последствия напрямую зависят от культурного контекста, в котором он проявляется. Культурные нормы и ценности выступают фильтром, который определяет, будет ли такое поведение считаться приемлемой хитростью или разрушительной угрозой.

Макиавеллизм можно определить не просто как личностную черту, а как стратегическое поведение. То есть люди с высоким уровнем макиавеллизма целенаправленно, их действия подчинены достижению личных целей (власть, деньги, влияние). Они используют манипуляцию как основной инструмент для управления другими людьми. Такие люди рациональны и прагматичны, они часто игнорируют моральные соображения, если те мешают достижению цели.

Проявление макиавеллизма культурно опосредовано. Это означает, что его «успех» или «провал» зависит от того, насколько его стратегия совпадает с доминирующими культурными ценностями или противоречит им. Такой подход противопоставляет два основных типа культур:

1. В индивидуалистических культурах (Западная Европа, США, Канада, Австралия), где ценятся конкуренция, личный успех и стратегическое мышление, макиавеллизм может восприниматься

как проницательность, политическая хватка и деловая компетентность. Исследования показывают, что в таких культурах макиавеллизм слабее связан с открыто негативными исходами и может даже ассоциироваться с карьерным продвижением в определенных сферах (например, в продажах, управлении) [Jonason et al. 2012]. Индивиды с высоким уровнем макиавеллизма успешно используют нормы индивидуализма, оправдывая свое поведение прагматизмом.

2. В коллективистских культурах, где первоочередное значение имеют доверие, кооперация и поддержание групповой гармонии, макиавеллизм оценивается резко отрицательно. Манипулятивное поведение там воспринимается как прямая угроза сплоченности группы. Например, в культуре Китая макиавеллизм демонстрирует более сильную связь с социальной дезадаптацией, одиночеством и негативным отношением со стороны окружающих [Felfe et al. 2008]. В России он тоже имеет негативную связь с просоциальным поведением и удовлетворенностью межличностными отношениями в группах [Кравчук, Подгурецки 2010; Суднищикова 2024].

Итак, одно и то же поведение может иметь совершенно разную социальную стоимость в разных культурах. То, что в Нью-Йорке сочтут деловой смекалкой, в Токио или Москве могут воспринять как опасный обман. Таким образом, эффективность и приемлемость макиавеллизма напрямую зависят от того, насколько его стратегия соответствует правилам игры, принятым в данном обществе.

При этом необходимо признать, что теория культурного соответствия представляется недостаточной для исчерпывающего объяснения. При всех своих достоинствах она выглядит довольно механистичной, прежде всего потому, что описывает статичное соответствие. Однако культуры не монолитны, а динамичны. Более продуктивной была бы теория социальных игр или ниш: черты темной триады могут быть адаптивны не потому, что соответствуют абстрактным ценностям, а потому, что позволяют выигрывать в конкретных социальных играх, санкционированных в данной культуре (например, в жесткой корпоративной конкуренции на Западе или в борьбе за статус в иерархической криминальной группе на Востоке). В таком контексте культура определяет не соответствие, а набор доступных и вознаграждаемых стратегий поведения.

Культурный нарциссизм: от здоровой самоуверенности к деструктивной грандиозности

Нарциссизм, и особенно его субклинические проявления, наиболее ярко демонстрирует культурную зависимость. Так, индивидуалистические культуры сознательно и бессознательно поощряют и культивируют нарциссические черты, создают «тепличные условия» для развития и проявления нарциссических черт. Культурные нарративы об уникальности, лидерстве и необходимости саморекламы (особенно в эпоху социальных сетей) поощряют грандиозную самооценку и самопрезентацию. Метаанализ указывает на более высокие средние уровни нарциссизма в западных выборках по сравнению с восточными [Foster et al. 2003]. Здесь нарциссизм часто коррелирует с кратковременным успехом в установлении контактов, лидерскими амбициями и воспринимается как уверенность в себе [Grijalva et al. 2014]. Отрицательные аспекты нарциссизма, такие как эксплуатация других и чувство убежденности в своем праве на особое отношение, часто маскируются под социально одобряемые качества – требовательность, высокие стандарты или умение себя подать.

В коллективистских культурах открытое самовозвеличение и потребность в восхищении грубо нарушают социальные нормы скромности и поддержания группового имиджа. Как следствие, нарциссизм здесь имеет более однозначно негативные корреляты: он сильнее связан с межличностными конфликтами, отвержением группой и психологическим неблагополучием [Cai et al. 2012]. Индивиды с нарциссическими чертами в таких культурах могут испытывать более выраженный когнитивный диссонанс между личными тенденциями и социальным осуждением. В России сочетаются коллективистские ценности (исторически присущие) и растущее влияние западного индивидуализма. В таком гибридном контексте нарциссизм чаще ассоциируется не с уверенностью, а с такими негативными характеристиками, как демонстративность (показное, неестественное поведение) или неадекватно завышенная самооценка (что воспринимается как слабость, а не сила) [Hofstede 2001].

Стоит признать, что не существует единой оценки нарциссизма. То, что в одной культуре считается двигателем к успеху и здоровой самоуверенностью, в другой может быть воспринято как разрушительная для социальных связей грандиозность и причина личностных проблем. Культура выступает в роли

линзы, которая фокусирует и преломляет проявления нарциссизма, определяя, будет ли он социально наказан или вознагражден.

Психопатия как универсальный деструктивный элемент темной триады

В отличие от нарциссизма и макиавеллизма, проявления которых в значительной степени опосредуются социальными нормами и ожиданиями, психопатия, и в особенности ее аффективное ядро, демонстрирует высокую степень кросс-культурной устойчивости. Психопатия характеризуется триадой ключевых признаков: бессердечие – отсутствие теплоты, сострадания и заботы о других; отсутствие эмпатии – неспособность к эмоциональному отклику на переживания и страдания окружающих; отсутствие раскаяния – неспособность испытывать чувство вины или сожаления о своих вредоносных действиях. Они, в свою очередь, представляются наиболее культурно-инвариантным конструктом темной триады. Именно эта эмоциональная пустота и дефицит делает психопатию фундаментально деструктивным конструктом, проявления которого менее подвержены культурному влиянию.

Зарубежные эмпирические исследования подтверждают, что психопатия является устойчивым предиктором глубокой личностной и социальной дезадаптации. Эта связь наблюдается как в индивидуалистических западных обществах, где ценится личная автономия, так и в коллективистских, где на первом месте стоят интересы группы [Jones 2011]. Импульсивность, склонность к риску, пренебрежение нормами и безопасностью других ведут к негативным последствиям (делинквентное поведение, проблемы с законом, разрушение социальных связей) независимо от культурного контекста.

Российский исследовательский контекст также выявляет эту универсальную закономерность. Так, психопатические черты являются надежным предиктором асоциального и девиантного поведения в самых различных социальных группах на территории РФ, что дополнительно укрепляет тезис о культурной инвариантности ее деструктивного потенциала [Арестова, Морозова 2024; Атаджыкова, Ениколопов 2015; Корниенко и др. 2022].

Несмотря на универсальность ядерных черт, культурный контекст может влиять на выраженность определенных поведенческих проявлений. В культурах с высоким коллективизмом и дистанцией власти жесткое, бессердечное поведение может иногда

маскироваться под авторитарность и строгость, направленную на «благо» группы (например, в корпоративных или семейных иерархиях). Тем не менее внутренняя аффективная пустота и деструктивность данного конструкта остаются универсальными.

Примером культурной маскировки являются случаи, когда жесткое, манипулятивное и бессердечное поведение может быть закамуфлировано под авторитарность и строгость, оправдываемую интересами группы (*Я делаю это для блага компании / семьи*). Такое поведение может даже временно поощряться в рамках корпоративных, военных или семейных иерархий, где оно ошибочно воспринимается как проявление сильного руководства или дисциплины.

Несмотря на то что культурный контекст может влиять на конкретные поведенческие стратегии психопатической личности (открытая агрессия vs. маскировка под авторитет), ее внутренняя аффективная сущность – эмоциональная пустота, отсутствие эмпатии и раскаяния – остается неизменной и универсальной. Именно это ядро обуславливает ее устойчивый деструктивный характер, который в долгосрочной перспективе приводит к негативным последствиям для окружающих и общества в целом, независимо от его культурного устройства. Психопатия, таким образом, правомерно рассматривается как наиболее культурно-инвариантный и универсально деструктивный элемент темной триады.

Синергия культурного контекста и темной триады

Анализ влияния темной триады личностных черт (нарциссизм, макиавеллизм, психопатия) на социальное функционирование индивида не может быть полным при их изолированном рассмотрении вне культурного контекста. Культура выступает не просто фоном, а активным модератором, который определяет степень выраженности, социальную приемлемость и, что наиболее важно, синергетический эффект взаимодействия этих черт между собой. Поэтому стоит проанализировать то, как различные культурные среды – индивидуалистическая и коллективистская – формируют уникальные паттерны проявления и усиления черт темной триады, а также рассмотреть специфику этого взаимодействия в условиях современного российского общества.

В западных, преимущественно индивидуалистических обществах, где ценятся личные достижения, конкуренция, самореализация и внешний успех, наблюдается феномен, который можно

обозначить как *эффект усиления*, или *эффект успешного хищника*. Так, нарциссизм с его грандиозным самоощущением и потребностью в восхищении находит благодатную почву в культуре, поощряющей самопрезентацию. Макиавеллизм с его инструментальным и манипулятивным подходом к социальным взаимодействиям предоставляет эффективные стратегии для достижения лидерских позиций и материального успеха. Эти две черты вступают в синергию: нарциссизм мотивирует индивида на доминирование, а макиавеллизм предоставляет тактические средства для его завоевания. В результате формируется социально одобряемый (или, по крайней мере, оправдываемый успехом) образ сильной личности, жесткого переговорщика или лидера, чьи манипуляции и самовозвеличивание воспринимаются как необходимые атрибуты эффективности. Несмотря на то что психопатия с ее импульсивностью и низким самоконтролем чаще несет риски, в определенных нишах (например, венчурные инвестиции, высокорискованные сделки) ее бесстрастность и устойчивость к стрессу могут дополнять указанный тандем, создавая не просто более эффективную, но и социально опасную личностную конфигурацию.

В коллективистских культурах, где первостепенное значение имеют гармония группы, взаимопомощь, уважение к иерархии и следование социальным нормам, открытое проявление черт темной триады, как правило, ведет к маргинализации индивида. Эгоцентризм нарциссизма, манипулятивность макиавеллиста и импульсивная безответственность психопата напрямую подрывают основы коллективистского уклада, основанного на доверии и кооперации. Такой индивид воспринимается как угроза целостности группы и подвергается активному осуждению или остракизму.

Однако именно давление коллективистских норм может приводить к формированию специфических замкнутых субкультур или ниш, где черты темной триады не только проявляются, но и активно культивируются по внутренним законам. Ярчайшим примером являются криминальные группировки, где макиавеллическая хитрость, нарциссическое самомнение лидера и бесстрастная жестокость психопата становятся инструментами выживания и подъема во внутренней иерархии. Таким образом, культура не уничтожает проявление темной триады, а вытесняет его в анклав, где эти черты являются новой нормой.

Если принимать такое утверждение, то напрашивается логичный вывод о том, что темная триада характеризуется определенной культурно-специфической конфигурацией. Например, мы можем говорить об индивидуалистической конфигурации, где *успешный хищник* – это доминирование нарциссизма при инструментальной поддержке макиавеллизма, а психопатия – дисфункциональный сбой. Коллективистская же, или маргинальная, конфигурация – это *безжалостный тактик*, где есть ядро из психопатии и макиавеллизма, а нарциссизм подавлен или направлен на утверждение статуса внутри замкнутой группы. Такой подход, на наш взгляд, позволяет перейти от анализа черт к анализу типов личностей, формируемых культурным контекстом.

Современный российский социум представляет собой уникальное поле для изучения синергии темной триады и культуры, поскольку переживает затяжную трансформацию ценностных систем, сочетая в себе как коллективистские пережитки, так и активно внедряемые индивидуалистические идеалы. В данном контексте наблюдается сложное и зачастую противоречивое взаимодействие описанных выше тенденций. Черты темной триады могут одновременно осуждаться и неявно поощряться в зависимости от социального контекста. Например, в публичном пространстве манипулятивность и нарциссизм могут осуждаться как безнравственные черты, в то время как в бизнес-среде или на политической арене те же самые качества могут ассоциироваться с деловой хваткой, прагматизмом и умением добиваться своего [Копылова 2024; Лебедева, Татарко 2007].

Все это создает условия для когнитивного диссонанса на уровне общества и формирует у носителей черт темной триады гибридные адаптивные стратегии. Индивид может демонстрировать макиавеллизм и нарциссизм в профессиональной среде, апеллируя к ценностям успеха и конкуренции, и одновременно пытаться встраиваться в более традиционные коллективистские структуры (семья, круг друзей), маскируя эти черты. Данная двойственность делает проявление темной триады в России особенно гибким, ситуативным и трудным для однозначной оценки.

Можно выдвинуть предположение о том, что именно в таких транзитивных обществах проявления темной триады могут быть наиболее деструктивны в макромасштабе. Так как в них отсутствуют устойчивые культурные фильтры. Манипулятивность,

оправдываемая прагматизмом в бизнесе, не встречает адекватного морального противовеса из коллективистской традиции, которая сама подверглась эрозии. Это создает идеальную среду для расцвета институционализованного макиавеллизма, где стратегии темной триады проникают в нормы социальных институтов.

Таким образом, синергия черт темной триады не является универсальной и напрямую детерминирована культурным контекстом. Индивидуалистическая среда способствует взаимному усилению нарциссизма и макиавеллизма, легитимируя образ *успешного хищника*, в то время как коллективистская среда подавляет открытое проявление темной триады, вытесняя его в маргинальные ниши. Современные переходные общества, такие как российское, демонстрируют наиболее сложную и амбивалентную модель этой синергии, где черты темной триады одновременно осуждаются и ценятся, что требует от индивида высоких навыков ситуативной и контекстуальной адаптации.

Заключение

Черты темной триады не являются абсолютно универсальными деструктивными конструктами. Их проявление, социальная интерпретация и последствия в значительной степени опосредованы культурным контекстом, в первую очередь измерением индивидуализма / коллективизма.

Макиавеллизм и нарциссизм демонстрируют высокую культурную пластичность. В индивидуалистических культурах их субклинические проявления часто получают социальное подкрепление и могут ассоциироваться с адаптивными исходами (социальный статус, лидерство), маскируя деструктивный потенциал. В коллективистских культурах эти же черты в большинстве случаев однозначно оцениваются как социально нежелательные и дезадаптивные.

Психопатия является наиболее культурно-консервативным элементом триады, демонстрируя устойчивые негативные корреляты с широким спектром дезадаптивных исходов в различных культурных средах. Ее аффективное ядро (бессердечие, отсутствие эмпатии) представляет универсальную угрозу социальному функционированию.

Установлено, что деструктивность – не внутреннее свойство черты личности, а результат ее взаимодействия с социальным полем. Это сближает психологию с социологией и ставит перед специалистами вопрос о том, можем ли мы осуждать нарциссизм

как таковой, или должны осуждать культуру, поощряющую и легитимирующую его деструктивные формы. На наш взгляд, культура – не модератор, а со-конструктор проявлений личности. Черты темной триады – это «сырой» потенциал, который культурный контекст «собирает» в конкретные поведенческие паттерны. Следовательно, важно реализовать переход от диспозиционального (черты) к контекстуально-поведенческому (стратегии в конкретных социальных играх) подходу в исследовании темной триады.

Для диагностики черт темной триады необходимы не просто адаптированные опросники, а культурно-сенситивные протоколы интерпретации, т. е. высокий балл по нарциссизму, например в России и США, должен интерпретироваться по-разному. Это связано с тем, что в мультикультурных командах конфликты могут возникать не из-за личных антипатий, а из-за столкновения культурных кодов восприятия поведения. То, что для американца – уверенная самопрезентация, для японца – невыносимый нарциссизм.

Отсюда борьба с социально-деструктивными проявлениями (коррупция, токсичное лидерство) должна учитывать культурную «упаковку» этих явлений. В коллективистских культурах акцент должен быть на защите групповой гармонии и разоблачении ложного авторитета, в индивидуалистических – на прозрачности правил и защите прав индивида от манипуляций.

Полученные результаты имеют практическую значимость для психологической диагностики, консультирования и работы в мультикультурных коллективах. Они указывают на необходимость учета культурных норм при оценке личностных черт и поведения. Диагностические заключения не могут быть сделаны исключительно на основе баллов по тестам без учета культурного фона индивида. При этом разработка культурно-чувствительных диагностических инструментов и интервенций представляется перспективным направлением дальнейших исследований.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Арестова О. Н., Морозова А. И. Особенности познавательной деятельности у лиц с выраженными чертами Темной Триады. *Вопросы психологии*. 2024. Т. 70. № 3. С. 84–96. [Arestova O. N., Morozova A. I. Cognitive activity specifics in individuals with explicit Dark Triad traits. *Voprosy Psikhologii*, 2024, 70(3): 84–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dzzehm>
- Атаджыкова Ю. А., Ениколопов С. Н. Развитие концепта психопатии в отечественной и зарубежной психологии (обзор литературы). *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*. 2015. Т. 8. № 3. С. 77–86. [Atadzhykova J. A., Enikolopov S. N. Concept of psychopathy and its development in Russian and foreign psychology (literature review). *Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology"*, 2015, 8(3): 77–86. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ukwgvv>
- Гуриева С. Д., Синельникова Е. С. Этнопсихология и кросс-культурная психология. СПб.: Питер, 2020. 384 с. [Gurieva S. D., Sinelnikova E. S. *Ethnopsychology and cross-cultural psychology*. St. Petersburg: Piter, 2020, 384. (In Russ.)]
- Егорова М. С., Ситникова М. А., Паршикова О. В. Адаптация Короткого опросника Темной триады. *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. № 43. [Egorova M. S., Sitnikova M. A., Parshikova O. V. Adaptation of The Short Dark Triad. *Psychological Studies*, 2015, 8(43). (In Russ.)] URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1052> (accessed 20 Sep 2025). <https://elibrary.ru/waounz>
- Знаков В. В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении. *Вопросы психологии*. 2002. № 6. С. 22–53. [Znakov V. V. Machiavellianism, manipulative behavior, and mutual understanding in interpersonal communication. *Voprosy Psikhologii*, 2002, (6): 22–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smmrob>
- Иванова А. М. Дискурсивное поле психологических исследований Темной триады. *Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2020)*: Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 23 апреля 2020 г.) СПб.: СПбУ МВД России, 2020. С. 229–233. [Ivanova A. M. Discursive field of psychological studies of the Dark Triad. *Actual problems of psychology of law enforcement: Concepts, approaches, and technologies (Vasiliev Readings 2020)*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., St. Petersburg, 23 Apr 2020. St. Petersburg: SPbU MIA of Russia, 2020, 229–233. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/futgzs>
- Корниенко Д. С., Вязовкина В. К., Горностаев И. С. Адаптация и психометрическая проверка методики «Короткий опросник темной тетрады». *Психологический журнал*. 2022. Т. 43. № 5. С. 87–98. [Kornienko D. S., Vyazovkina V. K., Gornostaev I. S. Adaptation and psychometric properties of The Dark Tetrad Short Questionnaire. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2022, 43(5): 87–98. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S020595920022787-1>
- Корнилова Т. В., Корнилов С. А., Чумакова М. А., Талмач М. С. Методика диагностики личностных черт «темной триады»: апробация опросника «Темная дюжина». *Психологический журнал*. 2015. Т. 36. № 2. С. 99–112. [Kornilova T. V., Kornilov S. A., Chumakova M. A., Talmach M. S. Methodology for diagnosing personality traits of the Dark Triad: Testing of the Dark Dozen Questionnaire. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2015, 36(2): 99–112. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ttjzrp>
- Копылова Ж. Д. Макиавеллизм как феномен социальной психологии. *Ogarev-Online*. 2024. № 14. [Kopylova Zh. D. Machiavellianism as a phenomenon of social psychology. *Ogarev-Online*, 2024, (14). (In Russ.)] URL: <https://ogarev-online.ru/2311-2468/article/view/276237/255202> accessed 20 Sep 2025). <https://elibrary.ru/jqtzzl>
- Кравчук П. Ф., Подгурецки Ю. Принципы «макиавеллизма» в системе межличностной коммуникации. *Личность. Культура. Общество*. 2010. Т. 12. № 4. С. 101–110. [Kravchuk P. F., Podgorecki J. Principles of Machiavellianism in the system of interpersonal communication. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*, 2010, 12(4): 101–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndzndr>
- Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: ВШЭ, 2007. 527 с. [Lebedeva N. M., Tatarko A. N. *Cultural values and social development*. Moscow: HSE, 2007, 527. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/quoictr>
- Лигеза А. С., Хмелевская О. Е. Характеристики компонентов «темной триады» у студентов медицинского университета с разными типами привязанности. *Психологические исследования*. 2023. Т. 16. № 91. [Ligeza A. S., Khmelevskaya O. E. Characteristics of the components of the "Dark Triad" in medical university

- students with different types of attachment. *Psychological Studies*, 2023, 16(91). (In Russ.)] <https://doi.org/10.54359/ps.v16i91.1454>
- Суднищикова А. В. Личностно-групповые детерминанты прощения в ситуации меж- и внутриэтнического взаимодействия. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*. 2024. Т. 13. № 4. С. 378–388. [Sudnishchikova A. V. Personality and group determinants of forgiveness in the context of inter- and intra-ethnic interactions. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2024, 13(4): 378–388. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-4-378-388>
- Cai H., Kwan V., Sedikides C. A sociocultural approach to narcissism: The case of modern China. *European Journal of Personality*, 2012, 26: 529–535.
- Felfe J., Yan W., Six B. The impact of individual collectivism on commitment and its influence on organizational citizenship behaviour and turnover in three countries. *International Journal of Cross Cultural Management*, 2008, 8(2): 211–237.
- Foster J. D., Campbell W. K., Twenge J. M. Individual differences in narcissism: Inflated self-views across the lifespan and around the world. *Journal of Research in Personality*, 2003, 37(6): 469–486. [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(03\)00026-6](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(03)00026-6)
- Fulmer A., Gelfand M., Kruglanski A. W., Kim-Prieto C., Diener E., Pierro A., Tory Higgins E. On "feeling right" in cultural contexts: How person-culture match affects self-esteem and subjective well-being. *Psychological Science*, 2010, 21(11): 1563–1569. <https://elibrary.ru/wjfbaz>
- Garcia D., MacDonald S., Rapp-Ricciardi M. Factor analysis of the Swedish version of the Dark Triad Dirty Dozen. *PsyCh Journal*, 2017, 6(2): 166–167. <https://doi.org/10.1002/pchj.168>
- Grijalva E., Newman D. A., Tay L., Brent Donnellan M., Harms P. D., Robins R., Yan T. Gender differences in narcissism: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*, 2014, 141(2): 261–310. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/a0038231>
- Hofstede G. *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001, 596.
- Jonason P. K., Slomski S., Partyka J. The Dark Triad at work: How toxic employees get their way. *Personality and Individual Differences*, 2012, 52(3): 449–453. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.11.008>
- Jones D. N., Figueredo A. J. The core of darkness: Uncovering the heart of the Dark Triad. *European Journal of Personality*, 2013, 27(6): 521–531. <https://doi.org/10.1002/per.1893>
- Jones G. National IQ and national productivity: The hive mind across Asia. *Asian Development Review*, 2011, 28(1): 57–71. <https://doi.org/10.1142/S011611051150003X>
- Paulhus D. L., Williams K. M. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy. *Journal of Research in Personality*, 2002, 36(6): 556–563. [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(02\)00505-6](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(02)00505-6)
- Triandis H. C. *Individualism and collectivism*. New York: Routledge, 1995, 259. <https://doi.org/10.4324/9780429499845>
- Zhang Z., Biang S., Zhao H., Qi C. Dark Triad and cyber aggression among Chinese adolescents during COVID-19: A moderated mediation model. *Frontiers in Psychology*, 2022, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1011123>